

Прошло четыре дня с тех пор, как Квай-Гон связался с ним, а он так и не увидел его в Силе. Он пытался связаться с духом, чтобы узнать, что случилось, но безрезультатно. Он бы сказал, что расстроен, но у него было слишком много других забот и дел, на которых следовало сосредоточиться. Например, предстоящий первый сеанс с Гиртом, или тот факт, что ему все еще нужно было найти новый путь к гоночной трассе (ему придется поработать над этим сегодня вечером, поскольку будет гонка), или тот факт, что Дуку не связался с ним, или тот факт, что Дарт Сидиус все еще знал, что "Вейдер" где-то здесь, и Энакин не сомневался, что он усиленно ищет предполагаемого ситха. Зная Сидиуса, можно было не сомневаться, что он придет к выводу, который будет слишком близок к истине. И все же, путешествие во времени? Энакин был уверен, что у него есть время до того, как его бывший хозяин соединит точки, но ему все равно приходилось успокаивать свое желание поспешить, чтобы завершить задуманное.

Кроме того, не давал покоя тот факт, что дети из его "группы" практически преследовали его. Сначала его раздражало, что они появляются в самое неподходящее время (и у него даже возникло сильное подозрение, что они по очереди прогуливают уроки). Теперь это просто утомляло. Их примитивные попытки пообщаться с ним и поддержать его настроение были забавными, почти очаровательными, если бы он был склонен испытывать подобные эмоции. Насколько он помнил (не то чтобы он был экспертом в области детской психологии), дети, особенно человеческие, наиболее социально развиваются в возрасте от одиннадцати до тринадцати лет. Тот факт, что его гораздо более юные "друзья" беспокоились о нем, сам по себе свидетельствовал об их зрелости и решительности. Ему стало интересно, что будет, если он подскажет им технику шпионажа.

Обычно не составляло особого труда подвести их под руку, и, когда ему требовалось время, он просто уходил. Очевидно, они еще не догадались, что он крадется по ночам (слава богу, потому что он не был уверен, что сможет это объяснить).

Тем не менее он в основном терпел их и, к своему удивлению, обнаружил, что это не так уж сложно.

"Энакин, поторопись, а то мы опоздаем!" сказала Мейли, стоявшая в нескольких шагах впереди. Она была самой строптивой в группе, всегда должна была приходиться вовремя, всегда ставила правила выше всего остального (в отличие от остальных, она ни разу не появилась на уроке, хотя, казалось, была рада подежурить за Энакина в течение всего дня). Хак'те и Койра следовали за ней, как щенки за матерью, вероятно, потому, что не хотели ее раздражать. Девушка умела читать лекции почти так же хорошо, как Оби-ван.

Они вчетвером должны были встретиться с Хейлом и Тораном перед занятиями на несколько минут. Энакин не видел особого смысла в том, чтобы встречаться с остальными мальчиками ради неловкого обмена "приветствиями", которые можно было с тем же успехом оставить на после уроков, поэтому не видел особого повода торопиться.

"Иди вперед", - ответил он. "Я буду там".

Трое детей обменялись взглядами и не спеша пошли вперед. Энакин с легкой досадой

вздыхнул, но при этом почувствовал, что его губы подрагивают. Странно было думать, что эти дети так заботятся о нем, хотя почти не знают его.

В Силе зазвенела какая-то струна, и он остановился. Оби-Ван был рядом. Если Энакин не ошибался, впереди них. Не прошло и десяти секунд, как рыжеволосый рыцарь выскочил из-за угла, с улыбкой обойдя Мэйли и ее группу. Затем его взгляд упал на Энакина, и он остановился.

"Энакин", - поприветствовал он.

"Рыцарь Кеноби", - ответил Энакин с легким поклоном.

"Как поживаете?"

"Я в порядке", - ответил Энакин, затем его взгляд опустился на руку Оби-вана. "Как твоя рана?"

"Вообще-то меня только что допустили к службе", - сказал Оби-Ван, пошевелив рукой в подтверждение своих слов. "Если повезет, завтра я отправлюсь в Храм на задание".

Что-то в тоне Оби-вана насторожило Энакина. "Если повезет?"

Рыцарь чуть сдвинулся с места. "Мне не особенно понравился мой... отпуск".

"О?" бесстрастно спросил Энакин. "Почему?"

"Мне не нравится просто сидеть без дела, когда я мог бы чем-то заняться", - объяснил Оби-Ван. "Я ненавижу, когда мне нечего делать".

Энакин нахмурился. Это был не тот Оби-Ван, которого он помнил.

"Ты лжешь", - сказал он.

Обида задела Энакина по всей длине их связи, и Оби-ван нахмурился. На мгновение он снова стал падаваном, ожидающим наказаний от своего учителя. Затем он понял, где находится, что сказал, и что ни один посвященный никогда бы так не сказал. К счастью, он мог взять страницу из книг своих товарищей-падаванов и скрыть это за детской честностью.

"Почему ты так говоришь?" спокойно спросил Оби-Ван.

Энакин решил немного отступить. "Нет, не лгу... но и правды ты не говоришь".

Выражение, появившееся на лице Оби-вана, казалось, представляло собой смесь все той же оборонительности, любопытства и... может быть, страха?

"И что же это будет за правда?"

Энакин наклонил голову. "Ты скучаешь по нему и не хочешь об этом думать. Тебе не нужно время, чтобы думать об этом".

И тут он почувствовал укол боли, отданный в Силу. Прямо в точку, хотя, похоже, Оби-Ван еще не признался в этом даже самому себе. Что ж, это было нехорошо. Он достаточно хорошо знал своего бывшего мастера, чтобы понять: когда Оби-вану было больно, он с головой погружался в работу. Энакин мог вспомнить несколько случаев, когда тот поступал именно так, и Энакину приходилось выручать его. Но теперь его не будет рядом, и он с удивлением обнаружил, что это его пугает - не из-за какой-то извращенной преданности Оби-вану (хотя и это тоже было), а потому что он искренне не хотел, чтобы этот младший, более уязвимый Оби-ван вот так погиб.

Забавно, но теперь, когда он об этом подумал. Оби-ван, вероятно, нуждался в сеансах "исцеления разума" Энакина гораздо больше, чем Энакин. В любом случае, Оби-ван мог бы извлечь из них хоть какую-то пользу.

Он всегда ценил в своем бывшем учителе то, что тот принимал во внимание то, что говорили ему люди, если эти слова казались ему неожиданными. После нескольких мучительных мгновений он, похоже, пришел к выводу.

"Возможно, вы правы, молодой человек, - сказал он мягко и медленно, словно ему было больно произносить эти слова. "Я чувствую дыру, которую он оставил в моей жизни, во всем, что я здесь делаю".

И это тоже было по-другому, не так ли? Он, конечно, помнил страдающего, скорбящего Оби-вана из первых лет жизни, но это было не так. Почему? Он уходил на одиночные задания, пока Энакину не разрешили найти первый кристалл сабли на Илуме (а значит, и разрешили выполнять задания), но он всегда был уверен, что Оби-Ван вернется. Почему-то сейчас он этого не делал. Что-то внутри Оби-вана ощущалось... отчаянным, почти безрассудным. Разве это обычно для новоиспеченного рыцаря? Это точно не соответствовало ни Мастеру-джедаю, ни даже рыцарю-джедаю, которого Энакин успел узнать.

<http://tl.rulate.ru/book/102416/3538206>